

Его тело болело, плечи поднимались и опускались при каждом затрудненном вдохе, когда он осматривал повреждения. Тренировочное поле теперь находилось в руинах вокруг него. Деревья были сломаны или тлели, земля вокруг него была изрыта и покрыта разрезами.

Как только он смог стряхнуть с себя Гая, он пришел сюда. Он знал, что его соперник только пытается помочь, предлагая свою поддержку и ободряющие слова, но если быть честным, то сейчас ничто не могло ему по-настоящему помочь. Ему потребовалось все его силы, чтобы не взорваться на глазах у Цунаде и остальных. По правде говоря, он с трудом мог сосредоточиться на разговоре. Его мысли были слишком заняты. Он пытался убедить себя, что этого не может быть на самом деле. Но отрезанные пряди волос рассказывали свою историю, и она противоречила всему, что он мог придумать в своей голове.

Она ушла, и он ничего не мог с этим поделать. Он должен был быть там. Он должен был быть там сейчас. Цунаде сказала, чтобы он был готов отправиться на миссию преследования, но ожидание было пыткой. Он бы уехал прямо тогда и там, с ее разрешения или без него, но его останавливало несколько факторов. Во-первых, Цунаде была права, что им нужно больше информации, он мог попасть в потенциально смертельно опасную ситуацию. Это не было бы проблемой, если бы не второй и самый важный фактор.

Кейко и ее команда, скорее всего, мертвы.

В его голове пронеслись воспоминания. Как она проводила руками по своим волосам, любуясь ими. Как она откровенно сказала ему, что никогда не будет стричься. Ее волосы были драгоценны для нее, и все, кто знал ее, знали об этом. Чтобы она добровольно обрезала их так бессистемно... такого просто не могло быть.

Перед его мысленным взором возникла внезапная картина. Неизвестные руки хватают эти длинные локоны, тянут их, чтобы отрезать. Оставив после себя медленно остывающий труп.

Ярость снова вспыхнула в его организме. Звериный рык вырвался из его губ, и он отбросил кунай в сторону, глубоко вонзив его в уже поврежденный столб. Несколько часов он пытался отогнать от себя страх, сожаление, скорбь и сосредоточиться на гнев. Злость на Цунаде за то, что она отправила ее на миссию. Гнев на Совет за то, что он хотел вытереть руки от всего этого. Ярость на тех, кто это сделал. Презрение к самому себе за то, что его там не было.

С этими чувствами было гораздо легче справиться, чем с тем, что должно было произойти.

Одна из плохих черт продолжительного гнева - он требует энергии. А у него она была на исходе.

Пока он шел по деревне, его мысли были в тумане. Мыслей было мало, и он изо всех сил старался не думать. Если бы он позволил слишком многим мыслям проникнуть в его разум

одновременно, он не был уверен, что произойдет. Вместо этого он отчаянно цеплялся за угасающий гнев. На мгновение он задумался, нашел ли Гай Мусаси, и был благодарен, что его не будет рядом, чтобы сообщить эту новость. Это только усилило бы ощущение реальности.

Ноги сами несли его вперед, не заботясь о том, где он окажется. Из-за помутнения рассудка он не понимал, куда идет, пока не оказался там.

Квартира Кейко.

Почему? Зачем он пришел сюда? Неужели ему нравилось заставлять себя страдать?

Даже задавая себе этот вопрос, он потянулся за запасным ключом и открыл дверь. Его тело перешло на автопилот, когда он вошел внутрь, включил свет и снял обувь. Как будто это имело какое-то значение.

Он окинул взглядом квартиру, примечая каждую деталь. Ополоснутая посуда в раковине, которая ждала, чтобы ее помыли. Книга на журнальном столике с маркером, который так и просился в руки. Так много мелочей, которые кричали о незавершенности. Она никак не могла уйти. Она должна была вернуться. Без нее это место не будет прежним.

Воспоминания, которые когда-то были теплыми и чудесными, стали холодными и горько-сладкими. Сколько раз они вместе стояли на этой кухне, болтая о том, как прошел день? Сколько ночей они провели, свернувшись калачиком на диване и читая, наслаждаясь присутствием друг друга? Везде, куда бы ни падал его взгляд, было напоминание. Напоминание о том, что было и чего больше никогда не будет.

Последние остатки гнева исчезли, и он пошатнулся. Боль, подобной которой он никогда не испытывал, пронзила его, и он схватился за стойку для поддержки. Это было то, чего он не хотел чувствовать. Он не хотел чувствовать, будто его душу разорвали в клочья. Если быть честным с самим собой, он почувствовал это, как только переступил порог кабинета Цунаде. Разница была лишь в том, что адреналин уже выветрился, и некому было видеть, как он распадается на части.

Когда он схватился за стойку, его рука наткнулась на листок бумаги, отчего тот слегка помялся. Его взгляд метнулся к нему, и он почувствовал, как сердце неровно бьется в груди. Его рука слегка дрогнула, когда он поднял бумагу, чтобы прочитать ее, чуть не опрокинув чашку, в которой она лежала.

Какаши, если ты заглянешь ко мне, у меня есть немного чая ходжича, который ты любишь! Не стесняйся, возьми немного с собой, а я потом заберу еще~ ХО-ХО

P.S. - Я скоро вернусь".

Незнакомое чувство стеснения сжало его горло. Его руки неконтролируемо задрожали, и он

крепко сжал их, пытаясь остановить это, но добился лишь того, что еще больше смял бумагу. Он моргал снова и снова в тщетной попытке сохранить ясность зрения.

Ее голос звучал в его голове, когда он снова и снова перечитывал эту строчку: "Я скоро вернусь".

Конечно, она хотела, чтобы эти слова были утешительными. Но она и представить себе не могла, как сильно они помогли закрутить нож в его груди. Эти слова снова и снова звучали в его сознании, как издевательство. Гнев вспыхнул последней мощной волной.

Внезапный мучительный крик вырвался у него, и он швырнул чашку в стену, наблюдая, как она разбилась от удара.

Как и чашка, его гнев разбился вдребезги. Тихий невнятный крик сорвался с его губ, он тщетно пытался остановить слезы.

Он провел эту ночь в ее квартире, окруженный воспоминаниями о ней. Все, что было и чего никогда не будет. Какаши не знал, зачем он так мучает себя. Почему, когда пришло время отдохнуть, он забрался в ее постель. Отдых ускользал от него. Вместо этого его руки вцепились в простыни, словно пытаясь найти ее рядом с собой. Его губы снова и снова бормотали ее имя, словно слабое заклинание. С каждым мгновением он все больше погружался во тьму отчаяния. Он позволил себе эту единственную ночь слабости.

Было несколько вещей, в которых он был абсолютно уверен. Во-первых, он найдет ее, живую или мертвую, неважно. И, во-вторых, тот, кто отнимет ее у него, пожелает себе быстрой и мучительной смерти до конца.

<http://tl.rulate.ru/book/66486/1875401>